

люкова сходная характеристика была приведена в соответствие с общей концепцией всей русской истории, предложенной автором. Отличительными чертами русской «исторической эволюции» были, по мнению П. Н. Милюкова, «во-первых, ее крайняя элементарность, во-вторых, ее совершенное своеобразие». Свообразие это Милюков видит прежде всего в том, что при иных географических условиях и совершенно иной плотности населения, чем на Западе, экономическое развитие России шло крайне медленно, и «на таком непрочном фундаменте могла сложиться только очень элементарная общественная организация». Отсюда отсутствие в России сколько-нибудь определенных сословных или классовых группировок; государство, возникшее в XV в. для нужд военной обороны страны, не было порождением какой-либо общественной группировки, а, наоборот, само создавало «общественную организацию». ³² Поэтому «общественное сознание» XV в., по П. Н. Милюкову, могло выражаться только через «тогдашних представителей власти»; оно «выразилось в действиях власти как наиболее сознательного тогда выразителя коллективного общественного сознания». ³³ Прямой опорой государственной власти в ее политических притязаниях были носители «идей национальной государственной церкви» — Иосиф Волоцкий и его сподвижники. «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой церкви и содействовал ему всеми возможными способами». Теория «Москвы — третьего Рима», получившая, по мнению П. Н. Милюкова, «полное развитие» уже в конце XV в., также рассматривается им как «дело осифлян». Характерной особенностью идеологии Иосифа и его последователей П. Н. Милюков (вслед за Жмакиным и другими авторами) считает, кроме официально политического направления, также «сохранение старины и усердную преданность форме, букве, обряду». ³⁴ Иосифлянам Милюков (как и предшествующие авторы) резко противопоставляет наряду с еретиками Нила Сорского и его сторонников, которые «не были такими отвязленными еретиками, как новгородские „жидовствующие“», но которых «обвиняли, более или менее основательно, в сношениях с новгородскими еретиками». Однако судьба этих заносных оппозиционных течений была предопределена. «Мы видели, как сама жизнь подготовила почву для националистических идеологий в московском государстве XV в. и как на подготовленной почве начали быстро прививаться занесенные в Москву из юго-славянских земель политические идеи. Судьба оппозиционных идеологий на Руси XV и XVI века была совершенно противоположная. Занесенные отчасти из чужеземного источника, они не нашли для себя готовой почвы и после недолгой борьбы должны были очистить поле сражения перед победоносным противником». ³⁵

Приняв точку зрения Миллера—Костомарова, развитую Жмакиным, Пыпин и Милюков дали ей широкое теоретическое обоснование. Свообразие их концепции заключалось в том, что признавая существование идейной борьбы в России конца XV—начала XVI в., Пыпин и Милюков считали, однако, исход этой борьбы безнадежно предопределенным; в конечном итоге они приходили, таким образом, к старому, чаадаевскому представлению об абсолютном своеобразии идеологической истории России по сравнению с Западом с его «борьбой за истину». Концепцию Пыпина и Милюкова можно считать господствующей концепцией в научной (и

³² П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I. Изд. 4-е. СПб., 1900, стр. 230—239.

³³ Там же, ч. III, в. 1. СПб., 1903, стр. 23.

³⁴ Там же, ч. II, в. 1. СПб., 1904, стр. 23, 26—28, 31.

³⁵ Там же, ч. III, в. 1, стр. 48—54.